

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПАРАМЕТРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ ЯЗЫКА*

Аннотация. Цель статьи — выявление факторов, на основании которых возможно выделение современных региональных типов языка. Таими факторами являются границы древнейших этноязыковых зон, а также комплексная лингвистическая история региональных центров во всем многообразии типов их языковых состояний.

Ключевые слова: региональные типы языка, диалектология, этнолингвистика.

В 1991 году В. И. Трубинский опубликовал статью «Современные русские региолекты» (Трубинский). Тогда же я, полностью восприняв его идеи и по договорённости с ним, постарался несколько развить далее понятие о региолектах (Герд, 1995).

Понятие региолекта нашло достаточно широкое развитие и распространение в отечественной лингвистике (Ерофеева). В то же время сегодня уже представляется необходимым взглянуть на проблему региолектов несколько шире, исходя из того, какие существуют типы и виды региональных языковых групп и как они формировались в разных странах мира и в разных национальных языках. Термины «региональный», «локальный» и «признак» и «параметр» употребляются в статье как относительные синонимы.

Цель статьи — не описание черт тех или иных языковых групп, а выявление тех факторов, тенденций и параметров, которые послужили причиной и основой выделения таких групп.

* Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

Различные виды региональных языковых объединений существуют уже тысячелетия, начиная с эпохи первобытных племён. Например, такие реконструируемые феномены, как праиндоевропейский, прагерманский, балтославянский или праславянский языки, представляли собой не что иное, как группы локальных племенных диалектов. Группы этих племен могли быть весьма различными по своему характеру и величине.

Например, в рамках праславянского выделяются севернославянская группа, в которую первоначально входили предки и всех западных славян, и восточных, южнославянская (предки болгар, сербов, хорватов, словенцев), позднее отделилась большая восточнославянская группа (предки русских, украинцев, белорусов). Основой многих будущих восточнославянских диалектов послужили племена, названные в «Повести временных лет» поляне, словене, кривичи, вятичи, полочане, дреговичи, уличи, тиверцы, бужане, дулебы. Реальность их существования и их роль в истории восточнославянского ареального континуума не раз убедительно доказаны.

Одним из древнейших региональных этноязыковых объединений на территории Восточной Европы является зона Верхней Руси. Её границами на северо-западе является граница по Волхову и далее по Ловати до Холма, ниже проходят границы по верховьям Великой и Ловати. Западной Двины. Эта граница начинается уже с IV–V тысячелетия до н. э.

ИКЗ Верхней Руси складывалась постепенно, тысячелетиями; позднее VIII–IX вв. — по мере продвижения словен с верховьев Западной Двины и Днепра на Селигер и далее, с Верхневолжских озёр на Полу, Полисть и Ловать, освоения ими бассейна Ловати, Приильменья, возвышения Ладоги и Новгорода, а впоследствии, по мере продвижения новгородцев на Запад от Ильменя по Луге, Плюсе на Псков и снова на юг по Великой, — в атмосфере славяно-финского и славяно-скандинавского симбиоза.

ИКЗ Верхней Руси XI–XIII вв. и есть прародина всей севернорусской культуры в целом. Именно отсюда, от Чудского озера от озёр Ильмень и Селигер по Полисти и Ловати, Луге и Волхову, Мсте и Волге, по Чагоде, Мологе, Свири началось в XI–XII вв. освоение и Обонежья, и Заволочья, и Беломорья. Именно здесь лежат исто-

ки большей части всех пластов материальной и духовной культуры Русского Севера.

Образованию столь прочного историко-культурного симбиоза способствовало единство географического ландшафта (обилие моренных холмов, равнинных лугов, лесов, рек, озёр, болот) и климата. Южная периферия Верхней Руси с самого начала была подвержена южным влияниям.

Юго-Восточное Приладожье в течение многих тысячелетий предстаёт в виде гигантского прохода, по которому почти каждое столетие, начиная с эпохи мезолита, устремлялись на север и северо-восток в Заволочье, в бассейн Онеги всё новые и новые миграционные потоки.

Таким образом, основные границы современных диалектов, археологических и этнографических зон в основном сложились задолго до прихода славян на территорию Верхней Руси; более того, и лингвистические, и этнографические ареалы росли и развивались вместе с эволюцией ИКЗ. В то же время по данным археологии, лингвистики, этнографии, этномузыковедения и истории в рамках целостной территории Верхней Руси выделяются следующие наиболее общие типы границ и ареальных зон.

Граница по Волхову и далее на юг от оз. Ильмень разделяет Новгородчину и Приильменье на западную и восточную части. Эта граница проходит далее по Ловати до Поддоря, Холма. Здесь к югу от Поддоря — Холма она перекрывается мощными границами, идущими с запада от Пскова (Серёдки), Порхова (Дедович), Себежа, Опочки и далее на Валдай, Селигер;

граница Псков — Порхов (среднее течение Шелони) и далее на Ловать, на Холм, к Верхневолжским озёрам, к Селигеру;

граница по нижнему течению Шелони, разделяющая Поозерье и районы к югу от Сольцов. Шимска, граница в среднем течении Свири.

Отметим также следующие древнейшие ареальные зоны Верхней Руси: Псковское ядро, Севернопсковская зона, Центральнопсковская (среднепсковская) зона, Южнопсковская зона, Восточнопсковская зона, Гдовская (Гдово-Печорская) зона, Западнопсковская зона, Юго-западная зона, Западноновгородская зона, Северноновго-

родская зона, Южноновгородская зона, Мстинская зона. Да и само обособление будущих исторически первичных русских диалектов относится к рубежу эпох — началу нашей эры, к I тысячелетию.

Именно границы древних племён и региональных объединений, выделенных по языковым признакам, нередко совпадают с древнейшими этнографическими группами. Приведём другие примеры.

В истории древнегерманского языкового ареала, по данным источников, уже в период до III—I вв. до н. э. выделяются такие племенные группы, как ингвеонская (северогерманская), объединявшая предков нижнесаксонских, фризских, англосаксонских диалектов; иствеонская группа (переселенцы германских племён из Скандинавии в низовья Эльбы).

В III тысячелетии до н. э. в районе вокруг Балтийского моря возникает прибалтийско-финское языковое единство, на базе которого позднее сформировались такие локальные объединения, как южноэстонское, североэстонское, хяме, саво, карельское, вепское, ижорское, водское.

В начале I тысячелетия до н. э. прибалтийско-финская языковая общность делится на ряд локальных групп — северную, южную и восточную. На базе северной группы развиваются юго-западные финские диалекты, на базе южной — диалекты Эстонии и северной Латвии, на базе восточной — диалекты южной Эстонии и Приладожья. Впоследствии сформировались ливская региональная группа, водская, карельская, вепсская, хяме. В северном Приладожье формируется корела. На Карельском перешейке — зуремейсцы, севернее — савокоты (саво).

В древнейшую эпоху как в целях обеспечения материального существования, так и обороны нередко заключались племенные союзы, на базе которых постепенно формировались языковые союзы. Примером такого союза может служить союз восточнославянских новгородских и псковских племён (словен и кривичей) и различных прибалтийско-финских племён, возникший для отражения нашествия немецкого ордена.

Родственные племена то сближались, то расходились, вступали в военные столкновения. К I—III вв. н. э. возникают германские племенные и языковые союзы. Так объединились алеманы, баварцы и

саксы (ингвеоны). Эти союзы действовали позднее уже и в феодальный период.

Реликты племенных языковых союзов представлены сегодня чаще всего в зонах межэтнического диалектного контактирования. Таков особый региональный тип русских северо-западных диалектов на крайнем северо-западе Европейской части России, исторически объединяющий новгородские, частично псковские диалекты и ижорские, водские, вепские, частично карельские диалекты.

В этот период формируется основная топонимика региона (названия рек, озёр, особенностей ландшафта).

Во всех зонах как в языке, так и в материальной и духовной культуре ярко проявляется влияние субстрата, например, балтийского и финно-угорского на территории Белоруссии и Верхней Руси.

На этом первом этапе своего формирования диалектные группы сохраняют и проявляют свои древние междиалектные лексические связи. Таковы, например, связи псковских говоров с диалектами предков карпатских славян, сербов, хорватов, словенцев.

На огромном по протяжённости во времени этапе древнейшие локальные племенные группы характеризовались только такими признаками, как особенности в языке, обрядах, типах брака, территориальная обособленность и одновременно частые миграции, подвижность.

Именно первый период отдельных племён и племенных групп, их объединение и разъединение — важнейший в истории формирования различных этноязыковых региональных групп. В этот период закладывается большинство локальных ареалов и групп, которые далее в разное время постепенно трансформируются в новые типы речи и региональных языковых объединений.

На втором этапе на различных территориях по-разному в зависимости от экономических и социальных факторов, от усиления связей между племенами на базе племенных языков формируется язык народности.

В Европе второй этап формирования региональных языковых групп связан с принятием христианства и началом формирования первых феодальных государств. На этом этапе основными призна-

ками, параметрами, формирующими региональный локальный тип, являются:

- территориальная обособленность;
- стабилизация политических границ;
- обособление и упрочение местных диалектных черт;
- возникновение городских диалектов (койне);
- углублённое осознание особенностей своего языка, материальной и духовной культуры, противопоставление соседям;
- упрочение конфессионального сознания, рост монастырей;
- возникновение местной письменности, церковной литературы.

Например, на территории восточного славянства возникает множество княжеств, таких как Псковское, Смоленское, Новгородское. Наряду с особенностями в языке появляются различные жанры местной письменности, как церковные уставы, грамоты, деловые книги монастырей, возникают первые литературные школы.

Например, в Германии язык древних саксов (древнесаксонский) — племенное наречие (ингвеонов) в XIV–XV вв. в эпоху ганзейского союза расцветает в северонемецких городах.

На этом этапе особую роль играют культурные локальные центры.

Древнейшие славянские культурные центры, такие как Киев, Москва, Новгород, Псков, Тверь, Острог, Дубровник, Ресава, Тырново, Краков, представляют собой достаточно обстоятельный объект для рассмотрения.

Славянские культурные центры, включая и крупные монастыри, являются не только компонентами того или иного географического ландшафта, но и оказывают на него своё влияние. Они служат инициаторами строительства церквей, монастырей; вокруг последних вырастают новые поселения.

Эволюция культурных центров тесно связана с тем диалектом, на основе которого он вырастает. В свою очередь, и историю диа-

лектов нельзя понять вне эволюции древнейших историко-культурных зон и центров, которые являются неотъемлемой частью этнокультурного ландшафта в целом. Рассмотрим эту взаимосвязь несколько подробнее.

Типологически история большинства славянских культурных центров, включая великокняжеские канцелярии и монастыри, во многом напоминает эволюцию диалекта. Возникнув, тот или иной культурный центр, как и любой диалект, тесно связан со своим ландшафтом, с ареалом. Исторически, по-видимому, большинство культурных центров полиэтнично в своей основе. Культурный центр средневековья — это всегда одновременно и книжный центр, центр развития разных видов письменного языка. При этом, как правило, письменный язык эпохи средневековья отличается отсутствием непосредственной связи со своим диалектом.

Диалект взаимодействует с языком в минимальной степени, лишь частично проникая в язык обиходных текстов (акты, грамоты, деловые книги, повести). Напротив, письменные тексты различных центров и их язык находятся в сложном и многоаспектном взаимодействии. Так, в большинстве славянских культурных центров средневековья представлены два основных типа языка: 1) церковнославянский язык и 2) язык деловых и летописно-хроникальных документов. Язык центра открыт к влияниям субстрата. В качестве такого субстрата может выступать как «свой» народный диалект, так и «чужой» диалект, распространённый здесь, а кроме того, чужой литературный язык.

Что касается примеров влияния как своего, так и чужого диалекта, то следует отметить, что письменный язык книжных центров открыт для субстратных влияний гораздо в меньшей степени, чем диалект. Оживление такого влияния и книжно-диалектной интерференции наблюдается, как правило, только в эпоху административно-политического обособления, развития деловой письменности и становления местного литературного языка (ср., например, деятельность П. Трубара и Ю. Далматина в Словении или историю письменного языка в Пскове).

Развитие молодого литературного языка на диалектной основе в отдельных культурных центрах нередко протекает параллельно

с другим, более престижным и автономным чужим литературным языком (польский — рядом с латинским в Кракове, украинский — рядом с польским в Остроге, хорватский и сербский — рядом с латинским и итальянским в Дубровнике). Такие центры отличает литературно-языковая диглоссия. Как правило, вся последующая лингвистическая история таких центров представляет собой многовековую интерференцию своего диалекта и разных типов письменного языка. Так же как и диалекты, культурные, книжные центры заключают глубокие потенции к иррадиации. Таковы Новгород и Москва и их влияние на язык Русского Севера; Афон, Тырново. И здесь, как и в исторической диалектологии, можно выделить ареалы ядерные, дающие, порождающие, и ареалы воспринимающие. Например, Москва и Новгород выступают как активные центральные порождающие ареалы по отношению к книжной традиции и языку почти всех монастырей Русского Севера. Тырново выступает как активный порождающий центр по отношению к Кратово, Москве, Пскову.

Примерами центров с ослабленной потенцией к иррадиации могут служить Псков в период своего расцвета в эпоху Псковского княжества в 1348–1510 гг., Дубровник в период его подъёма и независимости в XII–XVII вв. Ареал культурных центров всех типов более, чем диалект, подвержен влиянию и скрещиванию традиций других культурных центров. Так, в истории всех юго-восточнославянских культурных центров прослеживаются традиции Афона, Преслава, Охрида, Тырново; в истории деловой письменности Руси и Западной Руси — влияние языка Москвы. В Остроге на Украине сталкиваются традиции Афона, Тырново, Москвы и Речи Посполитой XIV–XVII вв.

Язык разных центров, с одной стороны, поддерживает и развивает традиции доминирующих иррадиационных типов (церковнославянский язык — у южных и восточных славян, латынь — у западных; деловой язык Москвы — в Пскове, Новгороде, Твери), а с другой — со временем испытывает на себе всё большее влияние народно-разговорного диалектного субстрата. В то же время существует ряд особенностей, достаточно разделяющих историю диалекта и лингвистическую историю культурных центров (городов, монасты-

рей). Так, если история диалектов тесно связана с межэтническими миграциями, то история языка средневековых культурных центров прежде всего связана с возникновением городов, монастырей и с экспансией господствующей религии.

Здесь следует особо остановиться на роли христианства в истории диалекта и в истории письменного языка. По отношению к диалекту христианство, в частности православие, предстаёт первой и едва ли не основной его разрушительной силой. Насаждаемое огнём и мечом среди славян, оно разрушило все собственно народные традиции, древние верования и обычаи, нарушило спокойное спонтанное эволюционное развитие диалекта как саморазвивающейся системы, подорвало потенциально возможное развитие письменного языка на основе диалекта. Таким образом, христианство в лице православия явилось исторически первым разрушителем традиционного народного самосознания и языка, его отражающего. Лишь много позднее, с трудом закрепившись в течение столетий, православие начинает выступать теперь уже в качестве защитника народных интересов, но при этом только тех интересов, которые не противоречат его догмам. Все эти процессы в той или иной степени отразились и на диалектах. Например, по записям XIX–XX вв. не так легко восстановить уже древнюю мифологическую систему или тип и состав обряда.

Для истории книжных центров христианизация имела особое значение. Язык церковных книг, язык высоких разговоров с Богом и о Боге с самого начала был противопоставлен низкому простонародному диалекту. Церковь пристально поддерживала и соблюдала авторитет церковных книг и их языка. Так, во многих центрах возникает не столько собственно языковая, сколько функциональная социолингвистическая диглоссия.

С другой стороны, в конечном итоге православие принесло славянам на юге и востоке письменность, внесло в их среду все достижения византийской культуры. Трудно переоценить культурную роль славянских монастырей.

Итак, как для эволюции диалекта, так и для языка (языков) славянского культурного центра средневековья характерны: 1) связь с ареалом, этносом, этническими миграциями; 2) отсутствие тес-

ной взаимосвязи между диалектным и письменным языком; 3) тенденция к иррадиации; 4) хронологическая неограниченность иррадиации во времени; 5) открытость влиянию субстрата и адстрата; 6) отсутствие резкой политической и географической замкнутости; 7) предрасположенность к междиалектной, межъязыковой интерференции и трансформации в новые типы речи.

Внешнее тождество этих процессов — это тождество вариантов единой инвариантной формы такого явления, как язык. Отмеченные процессы хорошо прослеживаются и в истории поздних малых славянских литературных языков. Кажется бы, все основные процессы в истории диалекта и в истории письменного языка того или иного ареала общие. Почему же так трудно, а может быть, и невозможно написать единую синкретическую историю того или иного языка?

Во-первых — потому, что диалект и письменный язык представляют качественно разные формы, разные типы языковых состояний: диалект — устную форму, язык рукописей — письменную, при этом структурно письменный язык репрезентирует, как правило, не один, а ряд типов языка. Большинство процессов, общих между диалектом и письменным языком, имеют качественно иной характер.

Во-вторых, письменный язык дан в хронологии его книг, рукописей и в последовательной смене хронологических срезов его эволюции в том или ином центре, ареале. Диалект как устная форма дан нам, по существу, в двух противоположных состояниях: 1) в источниках его записей в XIX–XX вв. и 2) в теоретическом реконструированном дописьменном состоянии. Воссоздать историю диалекта от одного хронологического периода к другому исключительно по диалектным данным невозможно. Имеющиеся памятники письменности для отдельных территорий помогают, но проблему не решают.

Если мы не можем написать единую историю того или иного языка, даже для отдельного культурного центра, то вполне реально воссоздать комплексную лингвистическую историю таких региональных центров во всём многообразии типов их языковых состояний. Подобная лингвистическая история культурного центра включает в себя: 1) реконструкцию и историю как основного последнего

по времени фиксации диалекта, так и всех тех диалектов, которые имели здесь место ранее; 2) описание всех типов письменного языка (языков), функционировавших в данном центре; 3) анализ взаимоотношения диалекта (диалектов) и разных типов письменного языка; 4) анализ взаимоотношения разных письменных языков и их типов; 5) анализ влияния разных видов книг, рукописей и типов речи, функционирующих в том или ином центре, на окружающий этнокультурный ландшафт. Разумеется, что полная лингвистическая история культурного центра предполагает профессиональное описание всех его языковых систем. Аналогично можно рассматривать историю литературы и искусства тех или иных центров.

И в этом аспекте комплексная лингвистическая история отдельных региональных культурных центров предстаёт не только как предмет языкознания, но и как одно из направлений лингвистической географии и этнолингвистики. Рассмотрим один пример.

На крайних полюсах славянского географического, языкового и религиозного мира находятся два старейших славянских культурных центра — Дубровник и Псков. В VII–VIII вв. на месте, где впоследствии вырос Дубровник, существовал романский город Рагуза. С IX по X в. в Дубровнике уже определённно даёт себя знать славянское присутствие. На всю историю Дубровника наложили печать его многовековые контакты с Венецией и Италией в целом. При этом во времена Венецианской республики славянская община имела своё вече, высокую степень самоуправления. Дубровник активно торговал как с Италией, так и с Востоком.

Не раз высказывались разные мнения о том, был ли старый славянский дубровницкий диалект VIII–XII вв. первоначально чакавским с чертами икавизма или он с самого начала представлял собой штокавско-екавский диалект. Уже очень рано в Далмации и Дубровнике распространяются славянские глаголические тексты. Первый и едва ли не основной по объёму пласт памятников письменности в Дубровнике представляют собой деловые документы на латинском языке. Вплоть до XV в. по-латински писались почти все торговые, юридические документы. Одновременно в Дубровнике работали и писали по-латински свои труды математики, астрономы, медики, историки, географы.

Исключительное влияние на всю историю культуры в Дубровнике оказало итальянское Возрождение XII–XIV вв. В XV–XVII вв. Дубровник переживает исключительный культурный подъём. Дубровницкая славянская литература XV–XVI вв. — это поэты Менчетич, Джуро, Држич, Д. Раньина, Н. Налешкович, Н. Дмитрович, М. Ветранович, драматург Марин Држич. Многие из них писали свои стихи и пьесы и по-итальянски, и по-славянски. Но в XIV–XVI вв. в Дубровнике имела место и прозаическая церковная литература (Молитвенник 1512 г., книга Либро од мнозијех разлога 1520 г.), развившая хорватский конфессиональный тип языка. Наконец, на XVII в. приходится деятельность классиков литературы Ив. Гундулича, Дж. Палмотича, И. Джурджевича.

Таким образом, в лингвистической истории Дубровника можно выделить следующие компоненты: 1) пласт древних романских диалектов; 2) латинский язык в разных его формах (наука, поэзия, проза, документы); 3) итальянский язык; 4) славянский тип речи: а) славянский штокавский диалект с чакавскими чертами; б) язык глаголических текстов; в) литературный язык поэтов и прозаиков Дубровника XIV–XVIII в.; г) язык церковных произведений.

Исторически Псков, как и Дубровник, вырос скорее всего на базе древнего славянского поселения в устье р. Псковы. Псковский диалект как особая и весьма своеобразная система оформился на базе первоначального смешения одного из архаических западнославянских диалектов с балтийскими и прибалтийско-финскими диалектами. При этом параллельное и основное влияние на формирование псковского диалекта оказали восточнославянские диалекты среднего Поднепровья.

В XIII в. в Пскове появляется письменность. Псковские памятники письменности исключительно разнообразны в жанровом отношении. Классический источник псковской письменности — Псковские летописи и грамоты, но и конфессиональные тексты (евангелие, паляя, апостол), и летописи, и жития, и повести; многообразные деловые тексты, в том числе приходно-расходные и писцовые книги.

Псковский пресвитер Василий написал жития князей Всеволода Мстиславича, Александра Невского, а также Никиты и Нифон-

та Новгородских, Арсения Коневского (1547 г.). особо выделяются оригинальные жития и памятники собственно псковских святых Довмонта, Саввы Крыпецкого, Никандра, Ефросина псковского, Серапиона, Память Саввы, Похвальное слово Ефросину XVI, Духовное завещание Ефросина. Псковским священником Ильёй написано яркое Житие болгарина Георгия Кратовского (Служба Георгию Софийскому).

В средневековой литературе Пскова достаточно широко представлен жанр повести. Это повести О начале и основании Псково-Печерского монастыря преподобного Корнелия, О явлении чудотворных икон (XVII в.), Об Исидоре Юродивом, О приходе Батория на град Псков, О приходе на Псков шведского короля Густава Адольфа.

Литература и язык Пскова развивались в тесной связи с культурной ситуацией, сложившейся к этому времени не только в Москве, но и на Афоне, в Болгарии, Сербии, Валахии. Древнейший период истории таких центров, как Псков и Новгород, в XI–XIII вв. взаимосвязан с историей Киева и Киевской Руси. В целом — это исключительное доминирование разных жанров церковнославянской литературы и церковнославянского языка.

Таким образом, в лингвистической истории Пскова выделяются следующие компоненты: 1) балтийский диалект; 2) прибалтийско-финские диалекты; 3) славянские диалекты западнославянского типа; 4) славянские диалекты среднеднепровского типа; 5) язык летописей; 6) язык деловых документов; 7) церковнославянский язык; 8) койне Пскова.

Сравнивая типологию лингвистического развития двух таких древнейших славянских культурных центров эпохи средневековья до XVII в., как Псков и Дубровник, следует отметить, что общим у них является только тип диалектной основы, и там, и там выделяется дославянский субстрат разных типов, и там и там в определённый период развиваются вторичные славянские диалекты, со временем в обоих центрах они по-разному отражаются в местной литературе. В конечном счёте различие в эволюции Пскова и Дубровника — это отражение кардинальных различий в эволюции целостных историко-культурных и конфессиональных зон на Славян-

ском севере и на Славянском юге.

Литературные региональные объединения выделяются также и по жанрам и типу языка древних письменных текстов. Таковы, например, региональные типы языков славянского средневековья XIV–XVII вв. Объединения эти иногда могут быть очень тонкими и детальными по лингвистическим признакам, но очень сильными в ареальном духовном и статистическом отношении. Ярким примером может быть язык текстов Москвы, Пскова и Тырново в XIV–XVI вв.

Во многих центрах Средневековья возникла диглоссия. В Западной Европе — латыни и народных языков, у восточных славян — церковнославянского и обиходно-разговорных языков.

Третий этап формирования региональных языковых групп характеризуется усилением взаимопротивопоставленных процессов языковой интеграции и дифференциации и параллельно — отмиранием локальных групп. На базе группы территориальных племенных и доминирующих диалектов возникает национальный язык.

В этот период в ходе возникновения и формирования локальных языковых групп основную роль играют следующие процессы и параметры:

- численность этноса;
- стабилизация государства и его границ;
- религия;
- типы конфессиональных объединений;
- политика государства;
- дальнейший рост и укрепление этнического самосознания;
- осознание своей особенности и противопоставленности соседям;
- возрастает роль межэтнических браков;
- социальная самоидентификация индивидов;
- расслоение национального языка на региолекты, полудиалекты, городские социолекты, жаргоны;

- выделяются такие типы языкового состояния, как просторечие, литературный язык, язык публицистики, язык науки и техники и деловых документов; растёт роль нормы.
- возникновение национальной литературы, искусства;
- осознание престижности своего языка, литературы, искусства;
- резкое расширение функций языка: возникает язык прессы;
- активизация ситуаций билингвизма на базе многоязычия;
- растёт степень билингвов;
- социальное осознание особых государственных функций языка;
- усиление ассимиляционных процессов для малых этноязыковых групп;
- отторжение родных региональных языков в пользу языка иного, государственного, доминирующего;
- потеря своих родных языков, борьба за их сохранение и возрождение;
- появление дисперсных территориально удалённых этнических групп.

С одной стороны, все эти тенденции приводят к стабилизации национальных языков, к формированию региональных языков и новых локальных групп теперь уже внутри национальных языков, многие из которых требуют своего официального статуса. С другой стороны — к отмиранию многих малых местных языков и исчезновению старых локальных групп.

Исходя из вышеизложенного, можно более широко смотреть как на терминологию (диалект, региолект, региональный язык, полудиалект и т. д.), так и на то, какой тип регионального (локального) объединения представляют, например, галисийский, окситанский, верхнелужицкий или русинский, лемковский, кашубский или мрандезе.

ЛИТЕРАТУРА

- Беркович Н. А. Племя, народность, нация. СПб., 2001.
- Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н. Основания регионалистики. СПб., 1999.
- Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.
- Герд А. С. История славянских диалектов и лингвистическая история славянских культурных центров (Псков и Дубровник) // Вестник СПбГУ, сер. 2. Вып. 3.
- Герд А. С., Муллонен И. И. К проблеме этнической истории прибалтийско-финских народов (по данным языкознания) // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995.
- Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов. Пермь, 2005.
- Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2011.
- Сравнительная грамматика германских языков. Т. I. М., 1962.
- Mercator guide to Organizations providing information on lesser used languages. Fryske Akademy. Ljouwert-Leewarden, 1990.